

Научная статья
УДК 811.133.1'06-373.7
doi: 10.17223/19986645/76/7

Процессы дополнения и элиминации образов как когнитивные механизмы вторичной фразеологизации (на материале французского языка)

Валентина Анатольевна Мойсюк

*Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, Черновцы, Украина,
hladka_valya@yahoo.fr*

Аннотация. Осуществляется моделирование когнитивных процессов дополнения и элиминации, присущих развитию современного французского языка. Исходя из теории ментальных пространств и концептуальной интеграции, показывается, что когнитивной основой порождения нового концептуального значения является извлечение имеющихся образов в исходных компонентах узуальных фразеологизмов либо дополнение их новыми, что отображает основные процедуры мышления человека в процессе номинации, его жизненный и речевой опыт.

Ключевые слова: вторичная фразеологизация, ментальное пространство, порождающее пространство, интегрированное пространство, процесс дополнения, процесс элиминации

Для цитирования: Мойсюк В.А. Процессы дополнения и элиминации образов как когнитивные механизмы вторичной фразеологизации (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 166–184. doi: 10.17223/19986645/76/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/7

Complementing and eliminating images as cognitive ways of generating new conceptual meaning in secondary phraseologization

Valentina A. Moisiuk

*Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine,
hladka_valya@yahoo.fr*

Abstract. The article discusses the structural and semantic modifications of conventional phraseological units, in which a change in the formal structure of original phraseological units entails the generation of a new semantic meaning, and then a new phraseological unit. In light of the emergence of new scientific concepts, especially in the domain of cognitive linguistics, they attract more and more attention

of linguists, since they reflect the peculiarities of the complex activity of the human brain in obtaining, processing, and using of verbalized knowledge. The aim of the article is a detailed description from a cognitive point of view of the processes of complementing and eliminating images during secondary phraseologization by modeling the mental spaces of the components of the original phraseological unit and the integrated space of the generated phraseological unit, in which a new conceptual meaning develops. The research material is the neological phraseological units of the journalistic discourse of the modern French language formed as a result of these processes, which have appeared for the last 10 years. This research is based on the cognitive concepts of meaning generation, namely, on the theory of mental spaces and conceptual integration developed by Gilles Fauconnier and Mark Turner. Reasoning from the structure of mental spaces (sacred, profane and metaphorical spheres), as well as their ability to integrate, the author models the mechanism of generating a new conceptual meaning during the formation of a neological phraseological unit. The analysis of the complementing shows that the initial conceptual meaning can be replenished with new images (image of the performed action or state, image of the attribute of the nomination object, the image of a new scenario, the image of the performer of the action, the image of the attribute of the action, the image of the scene), as a result of which the original phraseological unit acquires a new conceptual meaning. Elimination of images, in which the structural organization of the original phraseological unit is reduced, supposes two ways of developing a new conceptual meaning: categorical transformation of the original phraseological unit and development of conceptual meaning in the direction from a specific to a generalized meaning. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the cognitive basis for generating a new conceptual meaning is the rethinking of the images available in the original mental spaces, which reflects the basic procedures of a person's thinking during secondary phraseologization, as well as their life and speech experience.

Keywords: secondary phraseologization, mental space, generating space, integrated space, complementing, elimination

For citation: Moisiuk, V.A. (2022) Complementing and eliminating images as cognitive ways of generating new conceptual meaning in secondary phraseologization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp.166–184. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/7

Введение. Постановка проблемы

Для осуществления новой категоризации и концептуализации действительности номинаторы, используя имеющиеся в языке единицы и применяя языковые законы их комбинаторики, часто вынуждены прибегать к порождению инноваций, расширяя знаковый массив языка. В то же время динамика и способность к неологизации позволяют языку выполнять все более сложные когнитивно-дискурсивные функции, способствуя отражению в сознании его носителей объектов окружающей среды. Следовательно, обновление языка связано с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, обуславливающими порождение новой единицы различными способами интеллектуальной и эмотивно-оценочной активности говорящих.

Основные проявления этого процесса – первичная и вторичная фразеологизация, которые отображают креативные механизмы этносазнания, особенности категоризации эмпирического и рефлексивного опыта, концептуальное переосмысление действительности, динамику оценочного, ценностного и культурного ее восприятия. Но если первый способ порождения фразеологических единиц (далее – ФЕ) часто привлекает внимание исследователей различных научных школ (М. Алефиренко, Н. Болдырев, А. Брагина, В. Костомаров, Е. Кубрякова, Р. Намитокова, С. Тогоева, М. Шанский, Ш. Гледилл, П. Фраз, Ж. Прюво и др.), то второй рассматривается лишь в единичных работах, посвященных закономерностям и путям возникновения в языке фразеологических дериватов (Ю. Гвоздарев, С. Денисенко, Д. Добровольский, Ю. Караулов, Н. Керимзаде, А. Кунин, В. Мокиенко, И. Чернышева, У. Бахлер, Ж. Хаслер, Ш. Хюммер и др.).

Однако появление новых лингвистических парадигм открывает перед фразеологами перспективные направления, требует применения нестандартных подходов к осмыслению и описанию механизмов порождения новых фактов в языке и речи. Поэтому особенно **актуальными** кажутся нам исследования инноваций с позиций когнитивной лингвистики, которая рассматривает проявления неологизации в тесной связи с духовно-практической деятельностью человека, мышлением и культурой, т.е. с теми внутренними и внешними лингвальными факторами, которые и определяют лингвокогнитивную деятельность человека.

Одной из главных задач когнитивной лингвистики является исследование структур представления знаний и способов концептуальной организации знания в процессах порождения и восприятия речи. Современное состояние обозначенной проблемы характеризует попытки отразить эти структуры именно с учетом сложной деятельности человеческого мозга в процессах получения, обработки, переработки и использования вербализованных знаний. Один из таких способов описания знаний – теория ментальных пространств и концептуальной интеграции, которые, собственно, и позволяют смоделировать процесс формирования нового фразеологического значения вследствие вторичной фразеологизации.

Цель данной статьи заключается в детальном описании когнитивных процессов дополнения и элиминации образов во время вторичной фразеологизации путем моделирования ментальных пространств компонентов исходной ФЕ и интегрированного пространства порожденной ФЕ, в котором развивается новое концептуальное значение.

Материал и методы исследования

Теоретическое обоснование настоящего исследования исходит из нескольких когнитивных теорий порождения смысла в языковых знаках. В первых, речь идет о разработанной Ж. Фоконье *теории ментальных пространств* небольших концептуальных областей, «которые конструируются в процессе мышления и говорения в целях локализованного понимания

и действия» [1. С. 15]. Ученый пишет также о том, что ментальные пространства обладают большой гибкостью, нестабильностью и представляют собой не абстрактный домен, а сценарий конкретной ситуации [1. С. 15]. Однако, исходя из ономаσιологической точки зрения, т.е. с точки зрения говорящего, цель которого, по словам Н.Н. Козловой, «быть понятным, и для достижения этой цели он движется от конструирования смыслов, вкладываемых в сообщение, к выбору способов их репрезентации» [2. С. 117–118], считаем, что смоделировать ментальные пространства, которые находятся в сознании говорящего как этап выявления языкового значения, в частности фразеологизмов, все-таки возможно. Несмотря на то, что ментальные пространства не заложены в человеческом сознании как готовые структуры, в процессе познания мира и коммуникации они «обрастают» информацией. В результате этого становится возможным выделение определенных относительно устойчивых сфер, каждая из которых сформирована из нескольких образов познаваемого объекта. Пользуясь терминологией, предложенной современными исследователями [2–4], мы выделяем три сферы ментального пространства (далее – МП), а именно: 1) сакральную, в которую входят образы самого человека и мышления, образы социальных и духовных сущностей, открытые для «внутреннего глаза» в соответствии с религиозными, мифическими представлениями и стереотипами; поскольку эти образы не воспринимаются внешними органами чувств, они находятся вне человеческого понимания и заложены в сознании так, что это трудно объяснить и проанализировать; 2) профаническую, сформировавшуюся на образах, взятых из мира неосознанной практики и основанных, в свою очередь, на определенной практической вере, которая позволяет взаимодействовать с миром и верить в его реальность; как когнитивная структура, она представляет собой, так сказать, обобщение предложений, суждения об определенном объекте окружающей действительности; профанические образы, по словам А.В. Колмогоровой, «имеют пространственный характер, т. е. являются совокупностью «следов» в памяти тела, говорящего о типичной ситуации, когда объекты-элементы окружающей среды бывают *такими* и могут быть эксплицированы в исследовательских целях в виде суждений пропозиционального характера» [4. С. 137]; 3) метафорическую, образы которой связаны не с телесным, а дискурсивным опытом человека, т.е. с применением языковых единиц в речи, и основаны на обеих предыдущих. Таким образом, выделение разных сфер МП основано на различии когнитивных структур, которые бессознательно и осознанно присутствуют или же появляются в «ментальном багаже» говорящего: сакральная сфера наполнена образами, заложенными в сознании говорящего на генетическом уровне, то есть переходящими от поколения к поколению; профаническая сфера – образами, которые говорящий приобрел осознанно в процессе «телесного» познания окружающей среды, в процессе своей жизнедеятельности, а метафорическая сфера – образами, которые возникают в сознании говорящего в процессе «дискурсивного» познания окружающей среды, в процессе коммуникации. Отметим, что

образ в этом контексте является «посредником между собственно объектом / элементом окружающей среды и языковым знаком во взаимодействии человека с этим миром в языковой коммуникации, описанием прошлого опыта взаимодействия с этим объектом / элементом в вышеупомянутых сферах человеческого бытия, характерного для данного этноса» [4. С. 91].

Во-вторых, в основе нашего исследования лежит *теория концептуальной интеграции* (или *концептуального бленда*), разработанная Ж. Фоконье вместе с М. Тернером [5, 6]. Концептуальную интеграцию они истолковывают как базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на разных уровнях абстракции и имеет четкую структуру. Она содержит четыре МП: два исходных пространства, порождающее пространство (далее – ПП) и интегрированное пространство (далее – ИП), образованное на основе межпространственных связей. Исходные пространства представляют собой независимые друг от друга МП, из которых спроектированы общие для данного момента речевой деятельности образы сначала в ПП, а затем в новый МП – ИП, где они формируют новое концептуальное значение [6]. Именно здесь, в ИП, порождены новые действия, новые концепты, новые эмоции и понимание.

Как часть более широкой проблематики, а именно изучение лингвокогнитивных механизмов неологической фразеологизации, данное исследование основывается на фактическом материале (259 неологических ФЕ, которые являются результатом процесса вторичной фразеологизации), отобранном из центральных периодических изданий современного французского языка (*Le Parisien, Le Figaro, Le Monde, Le Point, L'express, La libération* и т.д.) за последние 10 лет.

Поставленные в исследовании цель и задачи обусловили использование некоторых лингвистических методов. Например, *метод неофразеологического описания*, основанный на комплексном анализе их параметральности (полилексичность, различная степень устойчивости лексико-семантического, грамматического и структурного характера, воспроизводимость, маркер новизны), применен для отбора и идентификации неологических ФЕ, *анализ контекстуального окружения* использован с целью выявления инновационных сдвигов в дискурсивно-смысловом содержании исследуемых единиц, характера взаимодействия фразеологических компонентов, а также установления степени закреплённости состава и структуры неологических ФЕ, *элементы компонентного и этимологического анализа* помогли отобрать неологические ФЕ, образованные в результате вторичной фразеологизации, *когнитивный анализ* – для моделирования процесса порождения нового концептуального значения путем построения интегрированного пространства, определения лингвокогнитивных механизмов вторичной фразеологизации, описания основных когнитивных моделей, которые детерминируют характер взаимосвязи исходных ментальных пространств, а также *количественные подсчеты* – для практического подтверждения теоретических предположений.

Основные результаты исследования

Изучая фразеологическую деривацию, лингвисты выделяют два основных типа модификаций: 1) семантические преобразования, которые не нарушают лексико-грамматическую структуру исходной ФЕ, а переосмысливают, обновляют ее семантику; среди них называют двойную актуализацию, народно-этимологическое переосмысление внутренней формы, антонимическое развитие образа, перефразирование, семантическое обновление и т.д.; 2) структурно-семантические преобразования, связанные с формальными изменениями исходной ФЕ, т.е. те, которые могут трансформировать ее компонентный состав и грамматическую структуру, видоизменяя при этом ее семантическое значение; среди них – редукция, развертывание структуры, модернизация, морфологические трансформации, контаминация, конверсия, аналогия, переразложение, отделение компонентов, изменение компонентов, замена предлогов в составе ФО, перераспределение и т.д. [7–11]. Отметим при этом, что их исследования могут касаться как тех изменений, которые не выходят за пределы предложения, так и тех, которые распространяются на целые отрывки текста. Последний тип модификаций обуславливает окказиональное употребление ФЕ в дискурсе, что составляет предмет изучения дискурсивного анализа и, соответственно, выходит за пределы нашего исследования.

Интересный взгляд на поставленную проблему выражают современные германисты, которые, изучая пути вторичного фразообразования, учитывают тип и характер изменений, которые зависят от различной активности плана выражения и плана содержания ФЕ. Они различают четыре типа изменений: 1) семантические (активность содержания – пассивность формы); 2) структурно-синтаксические (активность формы – пассивность содержания); 3) структурные и семантические (активность формы – активность содержания); 4) неизменность ФЕ (пассивность формы – пассивность содержания) [12].

Сосредоточив внимание на лингвокогнитивных механизмах порождения неологических ФЕ французского языка путем вторичной фразеологизации (259 ФЕ), которые осуществляются непосредственно в пределах устойчивого выражения, а также проанализировав лингвокогнитивные модели создания нового концептуального смысла, можем констатировать существование структурно-семантических и семантических модификаций. При этом укажем, что основной характеристикой обоих типов изменений, независимо от присущей им особой когнитивной модели построения ИП, является максимальная семантичность. Именно она определяет когнитивные процессы, лежащие в основе речевого развития и стимулирующие в целом процесс деривации. Ведь новые значения об объекте номинации, новые квалификационные признаки требуют новых способов выражения.

Структурно-семантические модификации, в отличие от семантических, обязаны не только особому, необычному контекстному употреблению узальных ФЕ, но и их культурно-речевой природе. Отчетливо эти модифика-

ции проявляются в структуре фразеологических сочетаний – коллокаций разной степени устойчивости, что объясняется, прежде всего, тем, что именно в них компоненты, хотя и остаются фразеологически связанными, характеризуются значительно большей самостоятельностью, чем в идиомах, что и позволяет говорящему нарушать законы семантических связей, присущие данному языку. Заложенная в них порождающая сила притяжения к динамике и преобразования на каждом уровне языковой структуры, а также специфика их речевого варьирования обусловлены, по словам Е. Макаева, их языковой природой. Они имеют сложную семантико-грамматическую структуру, определяемую их уровневым статусом в системе языка – иерархической «высотой», которую они занимают, и признаками аналитичности [13]. Идиомы же, отличающиеся целостностью значения, не допускают каких-либо изменений компонентов, на что давно указывают ученые [8, 14]. Однако, как отмечает В. Чередниченко, фразеологические единства могут подвергаться изменениям, поскольку их значение в определенной степени мотивировано отдельными значениями их составляющих компонентов [10. С. 71]. Наряду с этим устойчивые выражения имеют ярко выраженную прагматическую нагрузку, которая и делает эти единицы способными для использования в сфере речевых актов и действий как удобных «заготовок» для различных ситуаций. Трансформация узуальных ФЕ, пишут, в частности, Д. Добровольский и Ю. Караулов, «заложена в самой природе владения ими носителями языка» [15. С. 109]. Таким образом, в основе структурно-семантических модификаций лежат коммуникативно-прагматические факторы, когнитивно обусловленные и мотивированные намерениями говорящих. Они также основаны на целенаправленном видоизменении устойчивой структуры ФЕ и их семантики, направлены не только на оживление и усиление их выразительности, но и на новое отражение восприятия человеком известного уже ему объекта или явления.

С точки зрения построения ИП в ходе порождения новых номинативных единиц отметим, что, разрабатывая теорию МП, исследователи указывают на их гибкую природу, которая позволяет осуществлять различные модификации, в частности введение нового пространства, замену имеющегося пространства новым, выведение на первый план (актуализация) других элементов МП и т.п. Указанные трансформации определяют, в свою очередь, существование таких когнитивных процессов, как амплификация, дополнение, элиминация, калькирование, грамматическая трансформация и контаминация.

Среди основных характеристик МП Ж. Фоконье называл гибкость и способность к модификации. Он утверждал, что, формируясь «в режиме реального времени» (в процессе мышления и речи), они могут дополняться новыми элементами или, наоборот, элиминировать имеющиеся» [1. Р. 16]. Соответственно, перед нами предстают два когнитивных процесса – дополнение и элиминация, благодаря которым ПП и ИП меняют наполненность и формируют новое концептуальное пространство. Рассмотрим два указанных процесса более детально.

1. Процесс дополнения бленда новыми образами

Вопрос о структурном развертывании (расширении, добавлении) исходной ФЕ привлекал внимание еще сторонников семасиологического направления изучения языка и его единиц. При этом развертывание рассматривалось как один из структурно-семантических способов фразеологической деривации, в результате которого происходит своеобразная деформация начальной структуры, что способствует усилению образности, экспрессивности и эмоционального заряда образующейся ФЕ [8–11, 16–18].

Интересное мнение в этом контексте выражают ученые, говоря о различных типах вставного компонента. Так, Д. Добровольский в зависимости от сочетаемости последнего с буквальным и переносным значениями выделяет узуальные и окказиональные вставки: для первых значение вставки совместимо с буквальным и переносным значением модифицированной ФЕ, а для других – значение вставного элемента комбинируется только с фразеологически устойчивым значением [16]. К этим двум типам Г. Хаслер и Ш. Хюммер добавляют еще один, характеризующийся сочетаемостью значения вставки только с буквальным значением компонента ФЕ [18. Р. 113].

Одним из условий возможного расширения лексического состава ФЕ ученые называют наличие компонента, который бы имел определенную семантическую автономность и мог быть изолирован семантически во фразеологическом значении [16]. Свои соображения они объясняют на примере узуальной ФЕ *jeter de l'huile sur le feu*, в которой элементу *feu* присущи одновременно семантическая автономность – «проблематичная ситуация» – и общее значение, которое в определенном контексте может допускать уточнение. Что, собственно, мы и видим на страницах периодических изданий, например: «*Nous ne voulions tuer personne, mais semer la terreur*», *Téhéran rejette de l'huile sur le feu nucléaire* (www.liberation.fr).

Отметим, однако, что исследования ученых были направлены на изучение только окказиональных модификаций узуальных ФЕ, которые усиливают ее образность и экспрессивность, в то время как расширения лексического состава ФЕ могут порождать абсолютно новый мотивированный образ и вместе с тем новое семантическое значение.

Например, общеизвестная французская пословица *Advienne que pourra!* «Пусть случится то, что должно произойти», в результате развертывания своей структуры получила форму *Fais ce que tu dois, advienne que pourra* «Случится то, что должно произойти, но в любом случае следует делать то, что нужно» и уже не выражает чистый фатализм, а учит выполнять свой долг, несмотря на возможные последствия. За счет уточняющих слов к тем или иным компонентам узуальная ФЕ может изменить свою первоначальную форму вплоть до неузнаваемости. Это наблюдаем в ходе эволюции ФЕ *aller son chemin* «продолжить начатое дело», датируемой еще XIV в., которая стала генетическим источником для нескольких других фразеологизмов. Так, с одной стороны, она была усилена в XVII в. прилагательным

компонентом *droit* без изменения семантического значения *aller le droit chemin*, но считается устаревшей сегодня. С другой стороны, в XVIII в. она расширила свою структуру за счет еще одного компонента (*petit bonhomme*, появление которого, правда, до сих пор не нашло обоснованного объяснения [19. Р. 93]. Получив значение «продвигаться, продолжать свое дело без преград», фразеологический дериват *aller (continuer, faire...) son (petit) bonhomme de chemin* функционирует в современном французском языке.

Исследуя динамику фразеологического массива, лингвисты часто отмечают важность в различении «факультативных», но постоянных компонентов, которые появляются при варьировании фразеологического оборота, и «временных дополнений» [11. С. 67–68], не указывая, впрочем, критерии и методы этого различения. Поэтому считаем целесообразным применение метода когнитивного моделирования МП, который поможет не только показать изменения в ИП и появление нового концептуального содержания, но и отличить собственно неологические образования от фразеологических вариантов типа *C'est mon petit doigt qui me l'a dit* (< *Mon petit doigt me l'a dit*) «знать что-либо, не раскрывая источник» или дополненных дискурсивными вставками, такими как, например, *dit, appelé, prétendu (la jeunesse dite dorée, l'art appelé figuratif)*, которые придают большую объективность объекту номинации.

Итак, смоделируем когнитивную модель неологической ФЕ ***montrer ce qu'on a dans le ventre*** «доказать свою храбрость», порожденную путем дополнения узуальной ФЕ *avoir dans le ventre* «быть храбрым» (рис. 1). Моделируя сначала МП значимых компонентов узуальной и неологической ФЕ *avoir* «иметь», *ventre* «живот», *montrer* «показывать», видим, что каждый из них имеет образы профанической и метафорической сфер. Профанические образы соответствуют лексическим значениям данных языковых единиц, представленным в толковом словаре французского языка [20], а метафорические – их семантическим значениям, которые они приобретают в дискурсе и также зафиксированы лексикографически [20]. Во время формирования значения исходной ФЕ компоненты *avoir* «иметь» и *ventre* «живот» проектируют к ПП профанические образы 'поссесивность' (МП 1) и 'брюшная полость', 'совокупность основных внутренних органов' (МП 2), а также метафорические образы 'чувствовать' (МП 1) и 'место, где находятся основные элементы' (МП 2), которые совместно порождают образы 'поссесивность', 'движение жизни', 'человеческое создание'. Попадая в ИП, они частично трансформируются и образуют концептуальный смысл, который апеллирует к лицу, одним из ощущений которого является храбрость, вследствие чего образованная ФЕ *avoir dans le ventre* означает «быть храбрым». В случае ее дополнения глагольным компонентом *montrer* «показывать» новообразованное ИП обогащается еще одним образом 'доказать поступком', который был спроектирован с метафорической сферы 'выявить что-либо своим поведением или поступком' (МП 3). В результате этого порождается новый концептуальный смысл «доказать поступком, что че-

ловеческому созданию свойственна храбрость». Таким образом, когнитивная модель развернутой ФЕ *montrer ce qu'on a dans le ventre* «доказать свою храбрость» демонстрирует появление нового значения за счет добавления к образующему значению нового образа, а значит, и новой ФЕ.

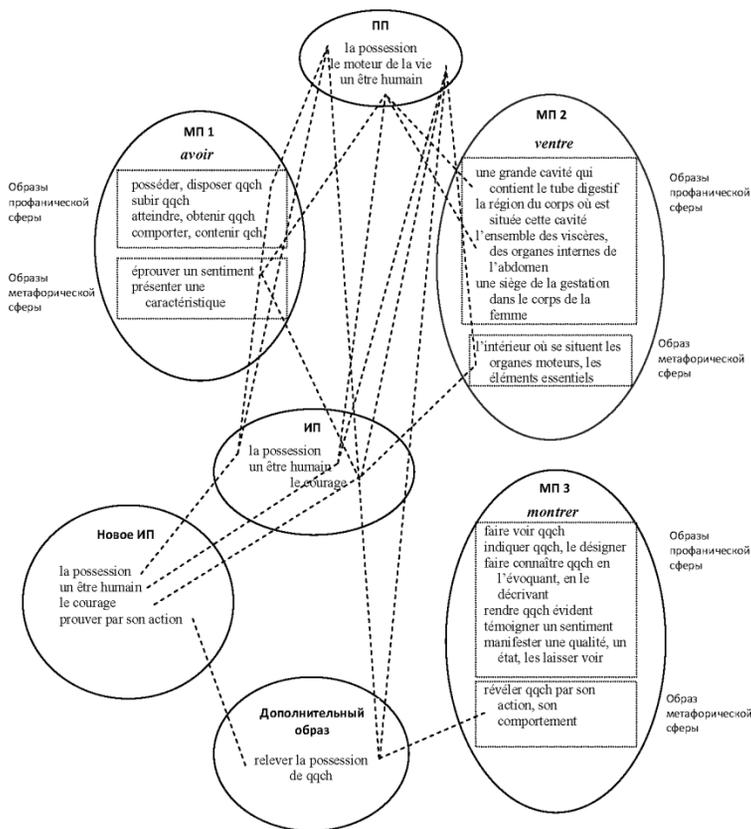

Рис. 1. Когнитивная модель порождения неологической ФЕ *montrer ce qu'on a dans le ventre* «доказать свою храбрость» путем дополнения бленда новым образом

Детальный анализ ФЕ, образованных путем дополнения, показал, что порождение нового концептуального смысла обусловлено появлением в бленде новых образов, апеллирующих:

1) к выполнимому действию или состоянию (43 ФЕ – 58%), которые вводятся новым глагольным компонентом, например: *foutre les nerfs au paquet* (< *les nerfs au paquet*) «сильно нервничать», *s'écarter des sentiers battus* (< *les sentiers battus*) «отклониться от общего решения», *agir de but en blanc* (< *de but en blanc*) «импровизировать», *avoir une tête à claque* (< *une figure, une tête à claques*) «вызвать злость», *être une vraie peau de vache* (< *peau de vache*) «быть очень строгим»;

2) признаку объекта номинации (11 ФЕ – 15%), представленного прилагательным или партиципной формой глагола, например: *haché comme chair à pâté* (< *chair à pâté*) «избитый; тяжело раненный», *avoir des mains en or* (< *avoir la main*) «быть очень искусным», *de ma (sa) blanche main* (< *de ma main*) «сделанный собственноручно»;

3) новому сценарию (11 ФЕ – 15%), который добавляется к исходному образу и трансформирует концептуальное значение, например: *Qui cherche trouve et qui trouve supporte* (< *Qui cherche trouve*) «Инициатива наказуема», *L'argent ne fait pas le bonheur mais y contribue* (< *L'argent ne fait pas le bonheur*) «Не в деньгах счастье, а в их количестве», *Il faut appeler un chat un chat et Pollet un fripon* (< *appeler un chat un chat*) «говорить откровенно», *mettre les points sur les "i" et les barres aux "t"* (< *mettre les points sur les "i"*) «четко расставить акценты»;

4) исполнителю действия (7 ФЕ – 9%), который вводится именным компонентом, например: *tomber dessus comme une pierre de la lune* (< *tomber de la lune*) «неожиданно появиться», *profiteur de pain de fesse* (< *pain de fesse*) «сутенер», *bon chien chasse la race* (< *chasser de race*) «унаследовать характер от родителей, предков»;

5) месту действия (2 ФЕ – 3%), которое вводится именными конструкциями с предлогом, например: *tomber tout cuit dans le bec* (< *C'est du tout cuit*) «не требовать дополнительных физических усилий», *lever le cul de sa chaise* (< *lever le cul*) «начать действовать; приложить физические усилия».

Таким образом, дополнение узуальной ФЕ выступает одним из когнитивных процессов образования неологических ФЕ, во время которого за счет добавления новых образов появляется новый концептуальный смысл.

2. Процесс элиминации имеющихся образов

Во время вторичной фразеологизации наблюдаем также противоположный дополнению когнитивный процесс элиминации, сущность которого заключается в том, что из-за сокращения структурной организации исходной ФЕ на один или несколько компонентов уменьшается количество проектируемых в ПП и ИП образов, что обуславливает изменение концептуального значения, а вместе с тем порождение новой ФЕ.

Отметим, что, с точки зрения традиционного подхода к изучению семантики языковых единиц под этим процессом имеют в виду удаление компонентов, редукцию, эллипсис или аллюзию и истолковывают его как семантическое преобразование производной ФЕ, в результате которого происходит вычленение, отрыв от всей ткани производной ФЕ неразрывной группы компонентов, которая имеет семантическую монолитность (А. Кунин, Б. Ларин, М. Шанский и др.). Еще А. Потехня, рассматривая процесс эволюции внутренней формы ФЕ от синтаксически широких единиц к узким или более узким, квалифицировал эти новообразования как «обломки текстов (песен, сказок, басен) или их фрагментов, которые сокращались до пословиц или поговорок, или даже слов» [21]. Продолжая

его мысль, ученые заключают, что аллюзионные единицы отражают ассоциативную связь не только с производными единицами, но и с той ситуацией, с тем прагматическим значением, которые они имеют в полной форме. Такое «осовременивание» производной единицы, ее привязка к какой-либо ситуации придают ей большую экспрессивность. В то же время, отмечают они, несмотря на то, что новообразованная фразема начинает жить самостоятельно, ее значение и тип переосмысления определены семантикой исходной ФЕ [9. С. 139; 11. С. 67–68]. Во фразеологическом сращении, объясняет В. Виноградов, все элементы настолько слиты и недифференцированы в смысловом отношении, что эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение хотя бы одного из них никак не влияет на значение целого. С одной стороны, такие единицы семантически низменны, а с другой – при определенных синтаксических условиях их основная часть может быть равна целому и выступать в значении целого. Поэтому фразеологические сращения могут утрачивать свои части одну за другой, не теряя своей семантики [14]. Рассматривая подробнее этот процесс, Б. Ларин, в частности, пишет: «В длительном речевом использовании любимые выражения теряют подробности, сокращаются, сохраняя лишь самые необходимые элементы <...>. Обычное, давно известное всем понимается с полуслова, с полунамек <...>. Первоначальный состав изречения деформируется, от него остается сигнальный фрагмент, который вскоре превратится в идиому, неразложимое словосочетание, а полная и понимаемая исходная формула забудется» [9. С. 139].

Изучая процесс удаления компонентов, В. Чередниченко называет несколько причин его существования: 1) обычная экономия времени в процессе речи; 2) необходимость удаления лишних компонентов, то есть семантическая избыточность; 3) стремление к экономному использованию языковых усилий и средств [10. С. 92–93].

Примечательно, что изучение фразеологической деривации путем редукции, хотя и привлекает уже давно внимание исследователей, редко выходит за пределы паремийного фонда, оставляя в стороне процесс отделения, свойственный фразеологическим идиомам и фразеологическим сериям, что, собственно, и доказывает фактический материал: в нашем корпусе всего три неологические ФЕ (15%) порождены узуальными паремиями.

Об этом говорит также Е. Блинова, исследуя типологию именно отфразеологических ФЕ русского языка. При этом она констатирует связь эллипсиса в языке и речи с синхронией и диахронией: «Появившись в речи и став его характерным достоянием, эллиптированные ФЕ переходят в систему языка, где приобретают статус автономных фразеологизмов» [22. С. 47]. Соглашаясь с ней, исследователи считают, что зависимость речи от фактора времени позволяет рассматривать эллипсис ФЕ в динамике как процесс, с одной стороны, а относительная стабильность языковой системы в каждый отдельный момент ее развития определяет подход к синхронному анализу эллипсиса в статике как результат развития семантики и формы ФЕ – с другой. Соответственно, они выделяют два вида эллипсиса

ФЕ: 1) синхронный, который представляет собой варьирование значения и формы ФЕ в контексте отдельных произведений; при этом наблюдают семантическую тождественность полной и эллиптической форм ФЕ;

2) диахронный, который обуславливает образование новых ФЕ, входящих в систему языка вместе с исходными ФЕ [22, 23].

При формировании корпуса неологических ФЕ нами часто наблюдались случаи употребления ФЕ, которые в обновленной форме сохраняют семантическое значение исходных ФЕ, т.е. образованных путем «синхронного эллипсиса». Так, общеизвестная ФЕ *avoir un polichinelle dans le tiroir* «быть беременной» (XIX в.) функционирует в современном языке без изменения семантики в виде ее варианта *avoir un polichinelle*; новообразование *faire le voisinage* «проводить опрос соседей» представляет собой стянутый вариант коллокации *faire une enquête de voisinage* с тем же значением. На наш взгляд, такие случаи следует рассматривать как окказиональное употребление узуальных ФЕ или же, по словам И. Вардуля, как «варианты одного инварианта» [24. С. 304]. Нас же интересует скорее «диахронный эллипсис», результатом которого являются ФЕ, которые, попадая со временем в словарный состав языка как неологизмы, а потом как конвенциональные единицы, имеют значения, отличные от исходной ФЕ. Только в таком случае целесообразно говорить о редукции компонентов как процессе, результатом которого являются неологические ФЕ, которые, хотя и в незначительной степени, характеризуют развитие фразеологической системы современного французского языка.

Рассматривая указанное явление с точки зрения когнитивного моделирования ИП, предлагаем придерживаться понятия элиминации, которое широко используется, в частности, в когнитивной науке и психологии для обозначения процесса уничтожения содержания слота или всего слота в целом [25] либо отторжения усвоенных ранее впечатлений, которые участвовали в формировании психологических структур, уступая место новым структурам [26]. Именно благодаря элиминации имеющихся в ПП и ИП образов, спроектированных с МП компонентов исходной ФЕ, возникает новый концептуальный смысл.

Проиллюстрируем сказанное на примере создания неологической ФЕ ***un cheveu sur la langue*** «шепелявение» на основе узуальной ФЕ *avoir un cheveu sur la langue* «шепелявить» (рис. 2). Моделирование МП значимых компонентов узуальной и неологической ФЕ *avoir* «иметь», *cheveu* «волос», *langue* «язык» показало, что каждый из них имеет образы профанической и метафорической сфер, выведенные нами из лексикографических источников [20]. Во время порождения концептуального значения исходной ФЕ ПП содержал два общих образа 'поссесивность' и 'человеческое создание', как результат спроектированных на него профанических образа 'владеть' (МП 1), 'человеческое создание' (МП 2), 'один из основных органов речи' (МП 3) и метафорического образа 'чувствовать' (МП 1). К ИП данной узуальной ФЕ проектируются общие образы из ПП, а также метафорические образы 'препятствие' (МП 2) и 'манера говорить' (МП 3), в ре-

зультате чего формируется концептуальный смысл, который апеллирует к «человеку, которому что-то мешает во время речи». В случае редукции глагольного компонента *avoir* «иметь» в ПП и ИП элиминируется профанический образ 'поссесивность', что обуславливает изменение концептуального значения: теперь речь идет только о самой «манере речи человека, которому якобы что-то мешает говорить». Таким образом, процесс номинации переходит от действия к понятию, а вместе с тем и порождает новую ФЕ с новым концептуальным значением.

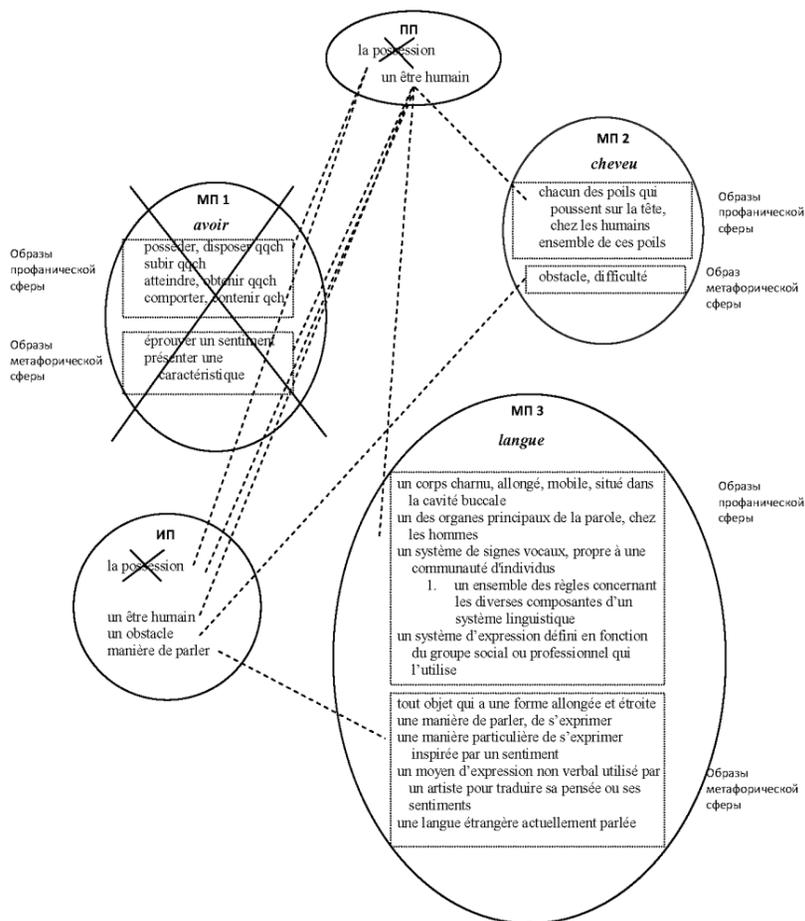

Рис. 2. Когнитивная модель порождения неологической ФЕ *un cheveu sur la langue* «шепелявление» путем элиминации имеющихся образов

Анализ ФЕ, порожденных путем элиминации, показывает, что этот процесс предполагает существование двух разных путей развития концептуального смысла:

1) концептуальный смысл неологической ФЕ претерпевает категориальные трансформации (14 ФЕ – 64%), т.е. в результате усечения одного из компонентов узуальная ФЕ меняет свой категориальный статус. Чаще всего процесс элиминации касается начального компонента глагольных ФЕ, вследствие чего семантика неологических ФЕ направлена на отражение объекта номинации, признаков этого объекта и признаков его действий, напр.имер: *eau de boudin* (< *s'en aller en eau de boudin*) «бесценный предмет», *eau qui dort* (< *il n'est pire eau que l'eau qui dort*) «тиховодье; омут», *jamais un mot plus haut que l'autre* (< *ne pas dire un mot plus haut que l'autre*) «человек, который никогда не выходит из себя, с равнодушным характером; приятный, скромный человек», *poule aux œufs d'or* (< *tuer la poule aux œufs d'or*) «постоянный источник доходов») или признака действия (например: *comme en quarante* (< *repartir comme en quarante*) «энергично, активно», *comme perles aux cochons* (< *jeter des perles aux cochons*) «абсурдность, расточительство», *bouche à oreille* (< *de bouche à oreille*) «молва; слухи»). Именно благодаря тому, что образы, которые остались в новом концептуальном смысле, отражают семантическую монолитность, они способны получить индивидуальное, целостное значение и выполнять новую номинативную функцию. В ходе исследования мы наблюдали также отделение начальных именных компонентов у узуальных ФЕ. В таком случае именно они служат носителем семантического стержня исходной ФЕ, на основе которого формируется новый концептуальный смысл, например: *bave du crapaud* (< *la bave du crapaud n'atteint pas la blanche colombe*) «несправедливое высмеивание», *une main de fer* (< *une main de fer dans un gant de velours*) «твердое, непоколебимое руководство»;

2) концептуальное содержание неологических ФЕ разворачивается в направлении «конкретное значение → обобщенное значение» (8 ФЕ – 36%), например: неологическая ФЕ *tout est bien qui finit* «хорошо то, что завершается» апеллирует к любому (хорошему или плохому) конечному результату дела, главное – то, чтобы оно вообще завершилось, чем и отличается от исходной ФЕ *tout est bien qui finit bien*, которая предусматривает только хорошее завершение дела. Подобным образом порождены также такие неологические ФЕ, как: *mettre le feu à qqch* (< *mettre le feu aux poudres*) «сеять панику, волнение», *manger son pain blanc* (< *manger son pain blanc le premier*) «пережить наиболее благоприятный период», *venir de la flûte, retourner au tambour* (< *l'argent qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour*) «плохо нажитое добро не приносит».

Таким образом, когнитивный процесс элиминации, в результате которого в ИП исчезают образы, имеющиеся в исходных ФЕ, обуславливает изменение концептуального значения, а вместе с тем и появление новой ФЕ.

Выводы

При вторичной фразеологизации когнитивной основой порождения нового концептуального значения является переосмысление образов МП

компонентов исходной ФЕ, результатом которого выступает появление новой интегрированной структуры, которая отражает основные процедуры мышления человека, а также опыт, полученный им в жизненной и речевой практиках. Концептуальная интеграция, как главная ментальная операция, применяемая во многих плоскостях мысли и поведения человека, основывается на его способности к образному мышлению, к установлению связи между МП. Применение в исследовании основных постулатов теории ментальных пространств и концептуальной интеграции позволило осознать процессы вторичной фразеологизации, понять их смысловое наполнение, определить образную и рационально-умственную аналогию, лежащую в основе формирования нового фразеологического значения.

Рассмотренные когнитивные механизмы дополнения бленда новым образом и элиминации уже имеющегося образа в составе концептуального значения ФЕ на материале французского языка представляют собой, во-первых, количественные изменения, отражающие парадоксальность динамики развития языка: с одной стороны, мы имеем дело с увеличением элементов речевого потока, а с другой – экономию языковых усилий. Во-вторых, порождение новых ФЕ в процессе вторичной фразеологизации приводит к обобщению объекта номинации либо к его конкретизации, в частности признаков самого объекта номинации, признаков, исполнителя, способов, места и сценариев его действий.

Таким образом, когнитивное моделирование процесса порождения новых ФЕ помогло идентифицировать их как новообразования с новым концептуальным значением, целью которых, в отличие от фразеологических вариантов, является неконцептуализация и перекаатегоризация действительности.

Список источников

1. *Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, 1994. 240 p.
2. *Козлова Н.Н.* Моделирование ментального пространства как этап выявления фразеологического значения (на примере ментального пространства *green*) // Гуманитарный вектор. 2010. № 2: Филология. С. 117–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-mentalnogo-prostranstva-kak-etap-vyyavleniya-frazeologicheskogo-znacheniya-na-primere-mentalnogo-prostranstva-green/viewer>
3. *Бурдые П.* Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бибикив, Е.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. М. ; СПб., 2001. 562 с.
4. *Колмогорова А.В.* Языковое значение и речевой смысл: Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 380 с.
5. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, 2002. 464 p.
6. *Fauconnier G., Turner M.* Mental Spaces. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Linguistics: Basic Reading*. 2006. P. 303–371.
7. *Джаграева М.Л.* Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 182 с. URL: <http://cheloveknauka.com/>

8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Международные отношения, 1996. 381 с.
9. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии: (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.
10. Чередниченко В.О. Інноваційна фразеологічна вербалізація в англійській мові (лінгвокогнітивний та соціолінгвістичний параметри) : дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2005. 220 с. URL: <http://www.allbest.ru/>
11. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1: Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М., 1987. 192 с.
12. Мізін К.І. Компаративні фразеологічні одиниці сучасної німецької мови: шляхи утворення та ідеографія : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2004. 20 с. URL: <http://allbest.ru/>
13. Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 47–59.
14. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. URL: <http://www.philology.ru>
15. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994. 116 с.
16. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
17. Мокшенок В.М. Славянская фразеология. М., 1989. 287 с.
18. Haßler G., Hümmel Ch. Figement et défigement polylexical: l'effet des modifications dans des locutions figées // Linx: Revue des linguistes de l'université Paris X. 2005. № 53: Le semi-figement. P. 103–119. URL: <http://linx.revues.org/266>
19. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire d'expressions et locutions. Paris, 2007. 1087 p.
20. Dictionnaire de français. Paris : Larousse, 2020. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires>
21. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. 344 с.
22. Блинова Е.В. К проблеме типологии отфразеологических фразеологизмов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского ун-та. Казань, 2004. С. 47–48.
23. Ренская Т.В. Эллипсис фразеологических единиц в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1983. 24 с.
24. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супра-синтаксис). М. : Наука, 1977. 352 с. URL: <https://www.booksite.ru>
25. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Исследования по когнитивным аспектам языка. Труды по искусственному интеллекту : учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–37.
26. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2004. 672 с.

References

1. Fauconnier, G. (1994) *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kozlova, N.N. (2010) Modeling of a mental space as a stage of phraseological meaning detection (mental space green as an example). *Gumanitarnyy vector. Filologiya – Humanitarian vector Humanitarian vector. Philology*. 2. pp. 11–124. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-mentalnogo-prostranstva-kak-etap-vyavleniya-frazeologicheskogo-znacheniya-na-primere-mentalnogo-prostranstva-green/viewer>

3. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Translated from French by A.T. Bibikov, E.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin & N.A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg: Aleteyya.
4. Kolmogorova, A.V. (2006) *Yazykovoe znachenie i rechevoy smysl: Opyt funktsional'no-semiologicheskogo issledovaniya prilagatel'nykh-oboznacheniy svetlogo i temnogo v sovremennykh russkom i frantsuzskom yazykakh* [Linguistic Meaning and Speech Sense: An Experience of the Functional Semiological Study of Adjectives Denoting Light and Dark in Modern Russian and French]. Novokuznetsk.
5. Fauconnier, G. & Turner, M. (2002) *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
6. Fauconnier, G. & Turner, M. (2006) Mental Spaces. Conceptual Integration Networks. In: Geeraerts, D. (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Reading*. De Gruyter. pp. 303–371.
7. Dzhagraeva, M.L. (2005) *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti frazeologicheskoy derivatsii* [Communicative and pragmatic features of phraseological derivation]. Philology Cand. Diss. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/>
8. Kunin, A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phraseology of modern English]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Larin, B.A. (1977) Ocherki po frazeologii (O sistematzatsii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on Phraseology (On Systematization and Research Methods of Phraseological Materials)]. In: Larin, B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow. pp. 125–149.
10. Cherednichenko, V.O. (2005) *Innovatsiyna frazeologichna verbalizatsiya v anglis'kiy movi (lingvokognitivniy ta sotsiolingvistichniy parametri)* [Innovative phraseological verbalization in the English language (linguocognitive and sociolinguistic parameters)]. Philology Cand. Diss. Zaporizhzhya. [Online] Available from: <http://www.allbest.ru/>
11. Shanskiy, N.M. & Ivanov, V.V. (1987) *Sovremenny russkiy yazyk: v 3 ch* [Modern Russian language: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie.
12. Mizin, K.I. (2004) *Komparativni frazeologichni odinitsi suchasnoï nimets'koï movi: shlyakhii utvorenniya ta ideografiya* [Comparative phraseological units of modern German language: ways of adoption and ideography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv. [Online] Available from: <http://allbest.ru/>
13. Makaev, E.A. (1962) Ponyatie davleniya sistemy i ierarkhiya yazykovykh edinit [The concept of system pressure and the hierarchy of language units]. *Voprosy yazykoznaninya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 47–59.
14. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye Trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <http://www.philology.ru>
15. Dobrovol'skiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Associative phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow.
16. Dobrovol'skiy, D.O. (1996) Obraznaya sostavlyayushchaya v semantike idiom [Figurative component in the semantics of idioms]. *Voprosy yazykoznaninya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 71–93.
17. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
18. Haßler, G. & Hummer, Ch. (2005) Figement et defigement polylexical: l'effet des modifications dans des locutions figees. *Linx: Revue des linguistes de l'universite Paris X*. 53: Le semi-figement. pp. 103–119. [Online] Available from: <http://linx.revues.org/266>
19. Rey, A. & Chantreau, S. (2007) *Dictionnaire d'expressions et locutions*. Paris: DL.
20. Larousse. (2020) *Dictionnaire de français*. Paris: Larousse. [Online] Available from: <http://www.larousse.fr/dictionnaires>

21. Potebnaya, A.A. (1990) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

22. Blinova, E.V. (2004) [To the problem of typology of phraseological units derived from phraseological units]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and comparative philology: state and prospects]. Proceedings of the International Conference. Kazan: Kazan State University. pp. 47–48. (In Russian).

23. Renskaya, T.V. (1983) *Ellipsis frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke* [Ellipsis of phraseological units in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

24. Vardul', I.F. (1977) *Osnovy opisatel'noy lingvistiki (sintaksis i supra-sintaksis)* [Fundamentals of descriptive linguistics (syntax and supra-syntax)]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru>

25. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (1990) *Struktury znaniy i ikh yazykovaya ontologizatsiya v znachenii idiomu* [Structures of Knowledge and Their Linguistic Ontologization in the Meaning of an Idiom]. *Issledovaniya po kognitivnym aspektam yazyka. Trudy po iskusstvennomu intellektu*. 903. pp. 20–37.

26. Meshcheryakov, B. & Zinchenko, V. (2004) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Big psychological dictionary]. Saint Petersburg: Praym-Evroznak.

Информация об авторе:

Мойсюк В.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры романской филологии и перевода Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Черновцы, Украина). E-mail: hladka_valya@yahoo.fr

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Moisiuk, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). E-mail: hladka_valya@yahoo.fr

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2021;
одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 27.02.2021;
approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.*